

Дюк

Во тоя Индеи было во богатя,
Там жил молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил-гулял по тихиим по заводям,
Стрелял серых гусей и стрелял лебедей;
Всех повыстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел, да еще три стрелы.
Триста-то стрелам он цену ведает,
Только трем стрелам он цену не ведает.
Когда бил он из-под камня с-под яхонта самоцветного,
Убил три орла и три орловица;
Он не тех убил, которы летают на святой Руси,
А тех убил, которы летают по синим морям:
Он сидит орел на синеньком на камешки,
Уж он рутит орел перьяца орлиныя;
Когда идут гости-корабельщики,
Подбирают это перьяце орлиное
Подорожо-то атласа и рыта бархата;
Покупали мужики-то индейские,
Приносили это перьяце орлиное
Его Дюкову-то батюшку в подарочки,
А он сам убил молодой боярин Дюк Степанович¹.
С тоя с великия со радости
Пошел к государыни родной матушки,
Он стал просить прощеньице с благословеньцом:
«Ах ты ей, государыни родна матушка!
Дай-ка ты прощеньице с благословеньцом
Ихать ко граду ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Мни прямой дорожкой, не окольною».
Говорит государыни родна его матушка:
«Что не дам прощеньице с благословеньцом
Ехать ко граду ко Киеву
Ко ласкову князю ко Владимиру
Прямой дорожкой, не окольноей.
На той прямой дорожки, не окольной,

Есть три заставы великия.
Первая застава великая:
Стоят тут горы толкуции;
Тыи ж как горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вместе столкнутся,
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывати.
Есть другая великая там застава:
Сидят там птицы клевуция;
Тые птицы тебя с конем склюют;
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывать.
Есть третия великая тут застава:
Лежит Змиище-Горынчище,
О двинадцати змия о хоботах;
Тоя змия тебя с конем сожрет;
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывать».
Он боярин своей матушки не слушался,
Пошел на конюшню на стоялую,
Берет узду в руки тесмянную,
Одивал на мала бурушка-кавурушка;
По колен было у бурушка в землю зарощено².
Он поил бурка питьем медвянным,
Кормил его пшеном белояровым,
Сидлал коня в сидельшко черкасское,
Он потници клал на потници,
На потници кладет войлоцки,
А на войлоцки черкасское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатой клал ради крепости,
Чтобы добрый конь с-под сидла не выскочил,
Добра молодца с коня не вырутил.
Подпруги были шелковыя,
Шпеньки были вси булатные,
А пряжки у седла красна золота:
Тогда шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавиет,
Молодец на кони сидит — сам не старист.

Он садился на добра коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:
«Ах ты ей, рожоно мое дитятко,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Если случит Бог во гради во Киеви,
Ты не хвастай животинками сиротскими,
Сиротскими животинками вдовиными».
Первой поприщей скочил бурка целу версту,
Он ко земли бурка припадывал;
Испровещился ему добрый конь,
Ему голосом ли целовецским:
«Ты ей, хозяин мой любимый!
Опускай-ка-ся с меня со добра коня,
Бери земли сыро-матерой,
Подвязывай под пелечко под правое
И под другое подвязывай под левое,
Чтоб не страшно бы сидеть на добром кони,
А я стану бурушко поскакивать,
С горы на гору, с холмы на холму,
Рики и озера перескакивать,
Где широкия раздолья — между ног пущать».
А как приехали они ко первой ко заставы:
А стоят тут горы толкуции;
Тыи ж как горы врозь растолкнулись,
И не успели горы вмисти столкнуться,
Он первую заставу проскакивал.
Доезжал до другия до заставы ль:
Сидят тут птицы клевуции;
Хотели его птицы с конем склевать,
Не успили птицы крылушек расправити,
Он и другу заставу проскакивал.
Он ко третьей заставы прискакивал:
И лежит Змиище-Горынчище,
О двенадцати змия о хоботах;
Не успела змия хоботу расправити,
Он и третью заставу проскакивал.
Он ко граду ко Киеву прискакивал,
И заидет как он на княженецкий двор,

Оставил своего добра коня,
Добра коня середь бела двора,
Не привязана и не приказана;
Сам пошел во гредню во столовую.
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На вси три-четыре на стороны,
Княгини-то Апраксии да в собину:
«Здравствуешь, княгиня Апраксия!
Где есть солнышко Владимир стольно-киевский?»
Говорит княгиня тут Апраксия:
«А солнышко Владимир стольно-киевский к обидни сшол».

Он пошел во церковь тут во божию:
По тыя по улицы по широкия,
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Да их подлило водою дожжевою,
Сделалась грязь-та по колену-де;
Замарал он сапажки-ты зелен сафьян.
Приходит во церковь во божию,
Крест кладет по-писаному
Да поклон ведет по-ученому,
На вси три-четыре стороны
А солнышку Владимиру да в собину:
«Здравствуешь, солнышко Владимир стольно-киевский
Да с своей княгиней со Апраксией!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашной, удалой доброй молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отечеству?»
Говорит удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович:
«Я есть из Индеи из богатя
Молодой боярин Дюк Степанович;
Отстоял дома раннюю заутреню,
И сюда приехал ко обедне-де».
Говорят вси князи, да вси бояра,
Тая ж говорит вся мелка чета:
«Что не быть этому молодому боярину,

Тому же ли Дюку Степановичу,
А есть какой-нибудь детинушка залешаник³,
Он убил купца, либо боярина,
Надел платье детина не видаютьци,
Все он, детина, на платье поглядывает».
Вышли они со божьей со церкви,
Вышли они на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую.

Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Я слышал от родителя от батюшки,
Что Киев-град очень красив-добрис⁴,
Ажно в Киеви да не по-нашему:
Церкви-ты у вас вси деревянные,
У вас маковки на церквах все осиновыя,
А мостовыя у вас черною землею засыпаны,
Подлило водою их дождевою-ди,
Сделалась грязь-то по колену-ди;
Замарал я сапожки-ты зелен сафьян».

Как приходят тут в палаты белокаменны,
Садилась они тут за дубов стол,
За дубов стол хлеба кушати,
Они белых калачиков рушати.
Как тут молодой боярин Дюк Степанович,
Он мякиш ест, в нем корку под стол мечет.
Говорит Владимир стольно-киевский,
Сам говорит да таково слово:
«Ах, ты на что же мякиш ешь,
Корку под стол мечешь?»

Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Я слышал от родителя от батюшки,
Что Киев-град очень красив-добрис;
Ажно в Киеви все по не нашему:
У вас печечьки все каменныя,
Помялчики у вас сосновыя,
Пахнуть калачики крупивчеты
На тую на глину на ручьевую
И на тую ль на серу на сосновую,
На сосновую на серу на капучую;
Не могу я исть калачиков крупивчетых.

Как у моей государыни родной матушки,
У честной вдовы Мамелфы Тимофеевной,
Там церкви есть у нас все каменные,
Известочкой они отбилены,
Маковки на церквах самоцветныя;
У нас крышечки ли в домах золоченыя,
Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
Сорочинския суконца приразостланы,
Не замараешь тут сапожков-то зелен сафьян,
Идучись во церковь божию;
У нас печечки ли в домах все муравлены,
А помялчики у нас в домах все шелковыя,
Пекет она калачики крупинчеты;
Калачик съешь — другой хочется,
Другой съешь — по третьем душа горит,
Третий съешь — четвертый с ума нейдет».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Я вижу, что ты молодец захвасливый;
Ты ударь с нашим Чурилой велик заклад,
Что вам ихать в чисто поле поляковать,
Чтобы на всякой день были кони сменные,
Сменные кони переменныи,
Снова-наново, все на три года,
На три года да еще на три дни,
Чтобы в три года такой шерсти не было;
Чтоб на всякий день платья были цветныя,
Цветныч платья переменныя,
Снова-наново, все на три года,
И на три года, да еще на три дни,
Чтобы в три года такого цвета не было;
И в третий день вам итти ко божьей церкви:
Который-то добрее у вас выступит,
Другому голова рубить».

По тоем было Чурилы по Пленковичи
А держали поруку двумя градмы:
Первым Киевом, другим Черниговым;
А по том было по молодом боярине,
По нем не было никакой порукушки,
А держал по нем крепкую поруку-ту

Тот владыко черниговский,
Тот крестовый его батюшка.
Они не спустят домой сгонять
За своим за платищем за цветным.
Закручинился боярин, запечалился,
Садился скоро на ременцет стул,
Писал он скорописцатые герлики⁵,
Полагал в сумки переметныя.
Отпущал он мала бурушка-кавурушка,
Тут стал его бурушка поскакивать
С горы на гору, с холмы на холму,
Реки-озера перескакивать,
Широки раздолья — межу ног пущать.

Как будет во Индеи во богатыя
У него государыни родной матушки
На широком двори,
Заржай⁶ голосом лошадиным;
Тут услышала государыни родна матушка,
Выбегала она на крыльце на переное⁷,
Увидала она своего добра коня,
Сама говорит да таково слово:
«Видно, нет жива рожонова дитятки,
Стоит у крыльца один добрый конь».
Увидала она сумки переметныя,
Сама говорит да таково слово:
«Что рожоно мое дитятко захвастливо,
Захвастливо, да — знать — захвачено».
Снимала она сумки переметныя,
Вынимала скорописцатые герлыки,
Полагала ему платья цветныя,
По три пары положила на всякий день,
Ново-наново на три года,
Ай на три года, да еще на три дни,
Отпущала мала бурушка-кавурушка.

Как он будет во гради во Киеви
У ласкова князя у Владимира,
У Владимира на широком двори,
Заржай голосом лошадиным:
Все терема пошатилися

Вси во граде приужаснулись.
Сами говорят таковы слова:
«Есть какой-нибудь у нас во граде уродище».
Услыхал молодой боярин Дюк Степанович:
«Знать пришел малый бурушка-кавурушка».
Получал свои платья цветныя,

Тут поехали они в чисто поле поляковать:
Тот Чурилушка Пленкович
Погнал лошадей туды целым стадом,
А тот молодой боярин Дюк Степанович
Пораньше поутру повыстанет,
Бурка в росы он повыкатает,
На бурки-то шерсть переменится.
Проездили они цело три года,
Цело три года, да еще по три дни;
Сегодня им итти ко божьей церкви:
«А который-то добрие из нас выступит,
Другому из нас голова рубить».

Как тот Чурилушка Пленкович —
Во своем во граде ему деется —
Приходили как в церковь божию,
Тот Чурилушка Пленкович
Он становился на крылосо 8 на правое,
А тот молодой боярин Дюк Степанович,
Становился на крылосо на левое.
Как тот Чурилушка Пленкович
Он стал плеточкой по пуговкам поваживать,
Он стал пуговку о пуговку позванивать:
Как от пуговки было до пуговки
Плывет Змиище-Горынчище.
Тут вси в церкви приужаснулись,
Сами говорят таково слово:
«Как у нашего Чурилушки Пленковича
Есть отметочка против молода боярина,
Против молода Дюка Степановича».
Закручинился боярин, запечалился,
Повесил свою буйну голову,
Утупил ясны очи во сыру землю,
Сам стал плеточкой по пуговкам поваживать,

Он стал пуговку о пуговку позванивать:

Вдруг запили птицы певуции,

Закричали зверки вси рыкуции;

А тут вси в церкви да озень⁹ пали,

Озень пали, а иные обмерли.

Говорит Владимир стольно-киевский:

«Ах ты, молодой боярин, Дюк Степанович!

Приуйми-тка птицы ты клевуции,

Призаклиць-ка зверей тых рыкуциих,

Оставь людей нам хоть на семена».

Говорил молодой Дюк Степанович:

«Ах ты солнышко, Владимир стольно-киевский!

Не твое я сегодня ем да кушаю,

Не хочу тебя теперичу тебя слушати».

Говорит владыка-то черниговский:

«Ах ты ей, крестово мое дитятко,

Молодой боярин Дюк Степанович!

Приуйми-тка птицы ты клевуции,

Призаклиць-ка зверей тых рыкуциих,

Оставь людей нам хоть на симена».

Он послушал крестоваго своего батюшки,

Он приунял птиц тых певуциих,

Призакликал зверей тых рыкуциих,

Сам говорил таково слово:

«Ах ты солнышко, Владимир стольнокиевский!

Нам которому с Чурилой голова рубить?»

А тут говорил Чурилушка Пленкович:

«Ах ты молодой боярин, Дюк Степанович!

Ты ударь-ко о велик заклад:

Переехать нам чрез Пучай-реку,

А и Пучай-река на два поприща;

Который-то не может да перескочить,

Тому из нас и голова рубить».

Приехали они чрез Пучай-реку.

Говорил молодой боярин Дюк Степанович:

«Твоя похвальба на перед зашла,

Поезжай через реку ты попереди».

Как поехал Чурила срез Пучай-реку,

О полу-реки Чурила в воду вверзился,

А тот молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро скочил чрез Пучай-реку,
Еще того скорее поворот держал:
О полу-реки да он припадывал,
Чурилу за желты кудри захватывал;
Повытащил Чурилу с конем с воды,
Не спустит Чурилы он до Киева,
А сам говорит таково слово:
«Ты солнышко, Владимир стольно-киевский!
Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ах ты молодой боярин, Дюк Степанович!
Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
А оставь нам Чурилу хоть для памяти».
Говорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ах, ты ей, Чурилушка Пленкович!
Пусть ты князем ты Владимиром упрошенный,
Пусть ты киевскими бабами уплаканый!
Не изди с нами со бурлаками,
А седи во гради во Киеви,
Ты во Киеви во граде между бабами!»

Тут солнышко Владимир стольно-киевский,
Он стал отправлять туда [10](#) оценщиков,
Его Дюковых животов описывать:
Он старого казака Илью Муромца,
В других молода Добрынюшку Никитича,
А во третьих Олешу Поповича.
Испроговорил боярин Дюк Степанович:
«Не посылайте-ка Олешеньки Поповича, —
А его глазишечки поповские,
Поповские глазишечки завидливы,
А ему оттоль да видь да не выехать!
Посылайте-ко старого казака Илью Муромца,
В других молода Добрынюшку Никитича;
Не берите-ка бумаги на три месяца,
А вы берите-ка бумаги на три года,
А на три года, да еще на три дни».

Как отправились они в Индею во богатую.
Подъехали под Индею под богатую,,

Увидили Индею тую богатую,
Сами говорят таково слово:
«Знать, что молодой боярин Дюк Степанович
Он послал, знать, туды весточку на родину,
Чтобы зажгали Индею ту богатую:
Ай, горит Индея та богатая!»
Как подъехали они поближе-де:
У них крышечки в домах золоченыя,
У них маковки на церквах самоцветныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинския суконца приразостланы.
Пришли они в палаты белокаменны,
Ай сидит жена стара-матера,
Стара-матера сидит жена вся в золоти.
Они бьют челом да поклоняются:
«Ты вздравствуешь, Дюковая матушка!»
Говорит жена стара-матера:
«Что я есть не Дюковая матушка».

.....
Пришли они в покои в другие:
Сидит жена стара-матера,
Еще более того она в золоти,
Она в золоти, да она в серебри.
Они бьют челом, да поклоняются:
«Ты вздравствуешь, Дюкова матушка!»
Говорит жена стара-матера:
«Что я есть не Дюковая матушка,
А есть Дюкова колачница».
Говорят послы да княженецкие:
«Где же есть Дюковая матушка?»
Говорит жена да стара-матера:
«Что ушла она к обедни ко долгия».
Идет она из церкви из божия,
Двое-трое ю ведут под руки,
Она бьет челом, поклоняется:
«Вы здравствуйте, мужики вы обценщики!
Вы зачем сюда теперь приехали?
Знать, сиротских животишечек описывать?»
Садилися они за дубов стол хлеба кушати,

Они стали исть калачиков крупивчетых:
Калачик-от съидят — другого хочется,
Другой съидят — по третьем душа горит,
Третий съидят — четвертый и с ума нейдет.
Вышли из-за стола из-за дубового,
Проводила она их во погребя.
Посадила она ко сбруям ко лошадиным:
Писали они тут по три года,
По три года они писали, по три дни,
Не могли обценить однех сбруй лошадиных.
Повела она их по погребам да по глубокиим:
Висят бочки красна золота,
А другия висят — чиста серебра,
А третьи висят — скатна жемчуга.
Повывела она их на широкий двор:
И течет тут струйка золоченая, —
А тут не могли они сметы дать.
Говорила мужикам она обценщикам:
«Вы скажите-ко солнышку Владимиру,
Пуцай попродаст на бумагу весь Киев-град,
На чернила продаст весь Чернигов-град,
Тожно пусть приедет животишечков описывать».

Как приехали ко граду ко Киеву,
К тому ли ко солнышку ко Владимиру,
Сами говорят таково слово:
«Ах ты солнышко, Владимир стольно-киевский!
Наказывала тебе Дюковая матушка:
Велела на бумагу продать она весь Киев-град,
На чернила продать весь Чернигов-град,
Тожно приехать животишечков описывать».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ах ты молодой боярин, Дюк Степанович!
За твою за великую за похвальбу
Ты торгуй в нашем во гради во Киеви,
Во Киеви во гради век без пошлины».
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Он поехал к государыни родной матушки,
Тут сделал он с ней доброе здоровьице.
Тут век про Дюка старину скажут,

Синему морю да на тишину,
А вам, добрым людям, на послушанье

(Записано П. Н. Рыбниковым от А. Е. Чукова)

1 Весь рассказ певец спутал; ср. былин у Кирши. — Б.

2 Конь по колена зарос в землю. — Б.

3 Залешаник. — Б.

4 *Добрис* — добр, есть, хорош.

5 *Герлики* — ярлыки.

6 Заржал; заржи — в употреблении прошедшего времени. — Б.

7 С перилами. — Б.

8 Клирос-от, крылос-т

9 Оземь. — Б.

10 В Индию.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.